

RU

Новаторские искания А. Теппеева в жанре повести
(на материале повести «Дорога в девять дней»)

Сарбашева А. М.

Аннотация. Цель статьи - изучение творческого опыта Алима Теппеева в жанре повести в контексте новаторских исканий балкарской литературы XX века. Научная новизна работы заключается в том, что обозначенная тема в заявленном аспекте рассматривается впервые. В результате проведенного исследования определена роль творчества писателя в эволюции балкарской повести. Анализ одного из репрезентативных прозаических произведений автора «Дорога в девять дней» позволил выявить новаторские тенденции, выраженные в художественной концепции человека в ситуации нравственного выбора, специфике моделирования хронотопа, структурной организации произведения, полифоничной природе конфликта, стилевом обогащении, обновлении системы образов.

EN

A. Teppeev's Innovative Searches in the Novella Genre
(by the Material of the Novella "A Nine-Day Trip")

Sarbasheva A. M.

Abstract. The purpose of the paper is to study Alim Teppeev's creative experience in the novella genre in the context of innovative searches of XX century Balkar literature. Scientific originality of the research lies in the fact that this topic is being considered for the first time from the specified perspective. As a result, the role of the writer's creative work in the evolution of the Balkar novella has been determined. By analysing "A Nine-Day Trip", one of the author's representative prose works, the researcher was able to identify innovative trends expressed in the literary concept of a person in the situation of moral choice, the specifics of chronotope modelling, the structural organisation of the work, the polyphonic nature of the conflict, the stylistic enrichment, renewal of the image system.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления творческой индивидуальности классика балкарской литературы Алима Теппеева (1937-2010), проявившего свое художественное мастерство в различных жанровых формах. В частности, как показывает эстетический опыт, творчество писателя сыграло важную роль в эволюции национальной повести, которая прочно утвердилась в парадигме жанров с характерными для нее видовыми свойствами. В качестве объекта изучения избрано одно из репрезентативных произведений художника слова «Дорога в девять дней», анализ которого позволяет выявить новаторство писателя в жанре повести. Для достижения цели исследования представляется важным решение следующих задач: рассмотреть основные этапы становления и развития балкарской повести в контексте многонациональной отечественной литературы XX века; определить значение творчества А. Теппеева в эволюции балкарской повести: изучить особенности моделирования хронотопа и полифоническую природу конфликта как свидетельства новаторского подхода писателя в решении художественных проблем.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: историко-литературный, аналитический, типологический, герменевтический.

Теоретическую базу статьи составили исследования северокавказских литературоведов Ф. А. Урусбиевой (1972), А. М. Теппеева (1974), З. Х. Толгурова (2010), М. А. Гусейнова (2012), А. М. Сарбашевой (2010).

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть применены в научных трудах, посвященных истории балкарской литературы, системе жанров в национальной словесности, анализу духовного наследия А. Теппеева, при проведении лекционно-семинарских занятий по карачаево-балкарской литературе, спецкурсов по теме «Эволюция балкарской повести».

Основная часть

1. Эволюция балкарской повести XX в. и творчество А. Теппеева

В истории балкарской литературы XX века повесть имеет четкие границы становления. Первый этап – 1930-е годы, ознаменованные появлением первой балкарской повести Берта Гуртуева «Бекир» (1933). Выдержав серьезные испытания временем (Великая Отечественная война, выселение народа в Среднюю Азию), она возрождается как самостоятельный жанр в постдепортационный период (конец 1950-х – 1960-е годы). Само обращение художников слова к жанру повести оценивалось как новый шаг в освоении действительности, в стиливом и жанровом обогащении национальной литературы, расширении тематического диапазона, философском осмыслении действительности. Вопреки сложившемуся мнению о том, что «повесть всегда становилась предвестницей появления романа и подготавливала почву для рождения крупных эпических полотен» (Окорокова, Пермякова, 2013), в балкарской прозе наблюдается параллельное развитие жанров большой прозы. 1960-е годы были творчески плодотворными, отмеченными публикациями повестей С. Шахмурзаева «На заре» (1960), Б. Гуртуева «Адилгерий» (1964), Х. Кадиева «О чем грустит сердце», «В горном ауле», «Мухаммат» (1964), З. Толгурова «Медвежий камень» (1964), Э. Гуртуева «Крутая тропа» (1968), Б. Гуляева «Тропинка» (1968), М. Шаваевой «Простят ли?» (1969), Х. Кулиева «Близнецы» и «Выстрел в пещере» (1968) и одновременно появлением первых балкарских романов О. Этезова «В теснине» (1961), Ж. Залиханова «Горные орлы» (1962), М. Шаваевой «Мурат» (1964), А. Теппеева «Кремни» (1968).

В многонациональной отечественной прозе 1960-80-х годов повесть определяется как жанр, выходящий на передовые позиции в литературе. Об этом ярко свидетельствует творчество Ч. Айтматова, В. Быкова, Р. Гамзатова, М. Карима, В. Распутина, В. Солоухина, В. Шукшина, В. Белова, В. Астафьева и других авторов. Возрождение жанра было обусловлено характером исторического периода, интерпретируемого как период «оттепели», открывший перед писателями новые возможности в осмыслении действительности и постановки проблем социально-психологического, нравственного, философского содержания (Окорокова, Пермякова, 2013).

Доминантой творчества отечественных прозаиков становятся идеи духовно-нравственного обновления, гармонии, которые активно «вытесняют» революционно-социальный пафос предшественников, вследствие чего наблюдается процесс значительного обновления реалистической эстетики XX столетия, включая столкновение творческих манер и интенсивную трансформацию жанровых систем» (Соколова, 2005, с. 9).

Обозначенные десятилетия в истории балкарской словесности характеризуются «как особенный период, когда многие писатели начинают ориентироваться на преодоление однопланового изображения жизни, на создание таких произведений, которые вписались бы в контекст художественных общесоюзных исканий» (Толгуров, 2010, с. 195). В свете вышесказанного важно отметить очевидность творческих успехов национальных авторов в жанре повести, которая приобретает особую популярность в 1970-80-е годы. В ее эволюции большую роль сыграли писатели З. Толгуров («Къызгъыл кырдыкла» – «Алые травы», «Эрирей», «Ашык оюн» – «Игра в альчики»), Х. Шаваев («Асият», «Ыйыкны ахыр кюню» – «Последний день недели», «Кюбюрде табылган повесть» – «Повесть, найденная в сундуке»), Э. Гуртуев («Акь къарда къара къызгъун» – «Черный ворон на белом снегу») и другие мастера художественного слова, которые в своем творчестве прошли путь от малых жанровых форм прозы – рассказа – к повести, затем к роману.

«В жанре повести балкарская проза обрела повествовательный простор. Описание мира и человека в “неограниченном” прозаическом повествовании было важным ее завоеванием» (Урусбиева, 1972, с. 46). Красноречивым подтверждением сказанному являются повести А. Теппеева («Кюн батмайды» – «Солнце не заходит», «Тузлу гюттю» – «Пересоленный чурек», «Жол кюю» – «Дорога печали», «Адам бла таш» – «Человек и камень», «Сангырау къол» – «Глухая пядь», «Туманда ажашхан тайым» – «Заблудившийся в тумане жеребенок»), занявшие особую нишу в жанровой иерархии в национальной словесности.

В осмыслении исторических событий в жизни народа в произведениях А. Теппеева усиливается акцент на исследовании внутреннего мира героя, вместе с тем изображение событийного фона отходит на второй план. Характер, психология действующего лица раскрываются в контексте драматических обстоятельств, в момент его духовного кризиса. Усложняется и поэтика произведений, в которых осуществляется авторская художественная концепция человека и действительности, решаются проблемы психологического, нравственного и философского свойств.

В ряду ключевых вопросов в центре творческого поиска А. Теппеева (наряду с проблемами эволюции характера, идейного самоопределения личности и т.д.) актуализируется проблема трансформации сознания человека в периоды исторических переломов (революционных преобразований, войны). Очевиден новаторский подход в решении художественных задач, что свидетельствует о стремлении писателя преодолеть сложившиеся в литературном процессе стереотипы при изображении жизненных реалий. Расширяются рамки конфликтов, мотивы, система художественных образов. Внимание прозаика фокусируется на личности, потерявшей нравственные ориентиры в экстремальных обстоятельствах исторического времени: природа человека исследуется в критических ситуациях, в которых автор стремится познать физические и духовные возможности героя. Писатель находит собственный стиль в произведениях, которых отличает своеобразная художественная концепция человека и действительности. Преодолевая каноны нормативной эстетики, прозаик проявляет интерес к человеку со слабым духовным иммунитетом (таковы герои Харун, Жетиш, Ахия,

Мусос, Харун, Мазан («Саскылы кьол» – «Ущелье слепней»); Бекир («Жол кюю» – «Дорога печали»); Хамматий («Адам бла таш» – «Человек и камень»); Ахмат Каммиевич («Туманда ажахан тайым» – «Потерявшийся в тумане жеребенок»). Суть художественной концепции человека в повестях А. Теппеева заключается в демонстрации противоречивой природы героя, в неординарных ее проявлениях. Вскрываются ментальные особенности действующих лиц в драматических ситуациях, связанных с нравственным противостоянием (Асият – Ахмат Каммиевич («Туманда ажахан тайым» – «Заблудившийся в тумане жеребенок»); Мамай, Сакинат – Бекир («Жол кюю» – «Дорога печали»), Бекки – Хамматий («Адам бла таш» – «Человек и камень»), Мусос, Харун, Алибей, Мазан, Ахия, Жетиш – Токаш («Саскылы кьол» – «Ущелье слепней»), Шио, Абузеит – князь Аслангерий («Сангырау кьол» – «Глухая падь»). Тем самым писатель вводит в литературу новаторские изыскания. Отличительными свойствами повестей балкарского прозаика стали моделирование хронотопа, структурная организация художественного текста, полифоническая природа конфликта, метафоричность и символичность образов.

2. Особенности моделирования хронотопа и природа конфликта в повести «Дорога в девять дней» А. Теппеева

Повесть А. Теппеева «Жол кюю» (1980) (букв. перевод – «Дорога печали») в переводе на русский язык Ю. Стефановича прозвучала в интерпретации «Дорога в девять дней» и вошла в сборник «Яблоки до весны» (1983). Данное произведение – одно из художественных достижений писателя, характеризуется как знаковое явление в эволюции балкарской литературы. В нем тема судьбы человека, концепция личности в контексте драматических и трагических событий военной поры находят новое философское осмысление. Для А. Теппеева большим подспорьем в успешной реализации своих творческих замыслов, подходов в осмыслении темы Великой Отечественной войны послужил художественный опыт в жанре рассказа («Белый ягненок с травинкой во рту», «Яблоки до весны», «Кара», «Чохана» и др.) (Сарбашева, 2021).

Характерная для классической повести черта – тяготение к хроникальному сюжету – в полной мере присуща анализируемому произведению А. Теппеева. В нем прослеживается хроника трагических событий девятидневного пути трех попутчиков Бекира, Мамаю, Сакинату, каждый из которых обречен на суровое испытание «на прочность духовных критериев, нравственных ориентиров» (Гусейнов, 2012, с. 99). Ведущий в повествовании мотив дороги обуславливает возникновение ситуации нравственного выбора и характер судеб персонажей. В рамках указанного промежутка времени и пространства раскрываются полифоничная природа конфликта (межличностного, духовного, идейного), специфика взаимоотношений, определившие духовный статус, судьбу каждого из действующих лиц. Составившая событийный фон повести Великая Отечественная война ломает судьбы людей, деформирует души одних, для других она остается индикатором нравственных, моральных качеств, обнажая духовное уродство или совершенство человека. В произведении художественному (критическому!) осмыслению подвергается характерная для советской эпохи система моральных и социальных ценностей (Габаева, 2010, с. 670), что явно свидетельствует о творческой смелости балкарского писателя.

Поляризация героев повести определяется центральной идеей духовного сопротивления жестокости, моральной деградации человека. Возникший «внутренний экзистенциальный барьер» (Соколова, 2005, с. 19) между действующими лицами разделяет их на два лагеря: на тех, кто проявляет конструктивную твердость (Мамай, Сакинату), и на тех, кто духовно ломается в сложившихся обстоятельствах (Бекир).

Война оказывает не только пагубное воздействие на душу, психику Бекира, но и вскрывает факторы мотивации (предпосылки) аморальных и бесчеловечных поступков персонажа. В экстремальных условиях обнажается «экзистенциальное ядро личности» (Соколова, 2005, с. 20). Причина духовной слабости Бекира кроется не во внешних обстоятельствах, а в его отношении к миру, исключающем чувство ответственности и долга перед собой и обществом: именно поэтому он превращается из скромного трудолюбивого горца в эгоиста, который задается вопросом: «*Имеет ли смысл бросаться в огонь?*» (здесь и далее – перевод Ю. Стефановича) (Теппеев, 1983, с. 138).

Природа отношений героев повести проявляется прежде всего в их действиях, поступках, совершаемых в сложных драматических условиях «дороги печали», которая является индикатором духовных ресурсов (ментальных свойств) каждого из них.

Сюжетное ядро и идейное содержание повести составляют взаимоотношения трех действующих лиц произведения, связанных социальными и родственными узами. В произведении гармонично сочетаются личностный, семейно-бытовой и исторический планы повествования. Сакинату – родная сестра Мамаю – помолвлена с Бекиром, который получил повестку на фронт. Путь домой для брата и сестры, спускавшихся с пастбищ домой вместе с Бекиром, оказался смертельно опасным. Как видно из сюжета, дорога в девять дней насыщена психологическими потрясениями, трагическими событиями. Писатель стремится раскрыть психологию Бекира в жестком нравственном противостоянии с Мамаем и Сакинату, трансформацию его сознания, деморализацию личности.

Повествовательный хронотоп, сконцентрированный в небольшом промежутке времени (9 дней) и пространства (пути), как ключевой компонент в сюжете, находит отражение в названии произведения. Действие в повести, происходящее в диапазоне отмеченного хронологического отрезка времени, определяет композиционную структуру произведения: оно состоит из 9 глав, в которых изображаются в последовательности локальные события, составившие единую сюжетную линию повествования: *первый день пути* – противопоставление Бекира и Мамаю, предвещает драматический поворот событий; *второй день* – первая фаза конфликтной ситуации между Бекиром

и Мамаем; *третий день пути* – трагическая завязка – одержимый мстостью за поруганное достоинство перед Сакинат Бекир убивает Мамаю; *четвертый день* – Сакинат оплакивает брата; *пятый день* – похороны Бекира в ногайском селе; *шестой день* – Бекир совершает насилие над Сакинат; *седьмой день* – прозрение Сакинат, рассеивание сомнений; *восьмой день* – укус змеей Сакинат, интерпретируемый как символ-предвестник трагедии; *девятый день* – гибель Сакинат. Таким образом, посредством хронотопа *девятидневной дороги* в рамках повествования достигается максимальное напряжение в воспроизведении драматических и трагических обстоятельств.

В контексте событий отражаются духовная сущность, нравственный потенциал каждого героя. В повести Мамай и Бекир представлены как психологические антиподы. Если для первого приоритетом служит отстаивание духовно-нравственных ценностей (прежде всего верность этническим, духовным традициям), то для второго, напротив, – проявление эгоистического интереса с целью сохранения своей жизни. Посредством внутренних размышлений раскрываются характер, психология Бекира, его раздвоенность, мнительность, моральный облик. В произведении используется прием предыстории, что позволяет проследить развитие характера героя. Автор совершает небольшой экскурс в недалекое прошлое Бекира. Факты из жизни характеризуют его личностные качества, определяют его поведенческие паттерны в экстремальных обстоятельствах войны. Как видно из содержания повести, данное в детстве Бекиру прозвище «волчонок» впоследствии определяет его негативную, жестокую природу.

Показательным является один из эпизодов жизни Бекира, связанный с его безрассудным поступком: однажды, похитив и спрятав винтовку милиционера, он не нашел в себе мужества сознаться в содеянном, что уже предвещало начало его морального падения, свидетельствовало о негативной сущности его натуры. Этот случай из прошлого как тяжелое воспоминание преследует Бекира в пути и вызывает глубокое раскаяние («*Теперь, трясясь на арбе, он неожиданно и с сожалением подумал о другом: а не лучше ли было бы тогда же вернуть винтовку? Самое тяжкое, что могли сделать с ним – осудили бы. Отбыл бы и вернулся. Не он первый, не он последний. А вот теперь что впереди, через девять дней?*» (Теппеев, 1983, с. 209)). Как видно из тягостных раздумий, наказание за злую шутку со спрятанной винтовкой показалось ему не таким страшным, как предстоящая фронтальная жизнь.

Наличие «подлой» винтовки, наделенной в повествовании функцией художественной детали, является провоцирующим фактором нестабильного психологического состояния Бекира с характерными для него раздраженностью, недоумением, негодованием, горечью («*Тяжело было обо всем этом думать, и Бекир все больше раздражался, думая о винтовке. Казалось, теперь ему не забыть о ней никогда, не сбросить невидимой ноши, все беды и грозы будут связаны с ней, лежащей там, за спиной. Ему хотелось вырвать ее из тюка и на виду у всех разбить! В щепки! Да что там – разбить! Сжечь все – вместе с арбой! Волон разогнать! Да что за напасть такая, – думал он. Раздражение сменялось горечью. – Зачем мне и фронт этот, и долг, и винтовка эта подлая? Война идет? И при чем здесь я...*» (Теппеев, 1983, с. 209)). Винтовка идентифицируется не только как средство совершения кровавых дел, но и как тяжелая ноша в душе молодого человека, таящего в себе сомнения, трусость, двуличие, коварство. Само наличие оружия – источника бед – предвещает трагические события в повествовании (из нее Бекир стреляет в Мамаю, затем в Сакинат и убивает обоих). Винтовка будто оживает и заговаривает с ним, она персонифицируется как духовный «партнер» Бекира.

Как явствует из сюжета, война вносит коррективы в отношения действующих лиц повести. Молодого человека, оказавшегося в лабиринте безвыходности, одолевают панический страх перед фронтальной жизнью, мучительные сомнения в выборе верного пути. В сложившихся обстоятельствах раскрывается противоречивость Бекира в необходимости воевать («*И нет выхода, нет иной дороги? – подумал он, вдруг встрепенувшись. – Неужели нельзя... Нельзя спасти себя? Или же пылающий этот огонь каждому дан, как сират?*» (Теппеев, 1983, с. 211)).

Внутренняя противоречивость Бекира обнажает его негативную сущность. Одолевшие его тревожность, беспокойство передаются писателем посредством описания его поведения, действий. На глазах своих попутчиков Бекир предстает «*измаявшим, измученным сильно сдавшим*» (Теппеев, 1983, с. 213).

С самого начала рокового пути намечается противостояние (идейное, нравственное, психологическое) между действующими лицами. Характерный для первых дней дороги драматизм в последующие дни достигает трагедийной силы, трагизма. Если Мамай, наделенный силой воли, готов отстаивать свое человеческое достоинство до конца, то Бекир деморализуется, терпит духовный крах. Наблюдается процесс разобщения Мамаю и Бекира по идейно-нравственным принципам, разочарования Сакинат в Бекире, отчуждения Бекира от социума. Внутренний «психоз» (нервоз) Бекира, обусловленный эндогенными (внутренними процессами: отчуждение, желание самосохранения, эгоизм, духовное «банкротство») и экзогенными (провоцирующими факторами в данном случае являются война, призыв на фронт, дорога) обстоятельствами, трансформируется в антагонизм по отношению к своим попутчикам. В контексте повествования углубляется психологизм. В размышлениях Бекира наблюдается социальная дезадаптация. Сознание героя повести подвергается «духовному шторму», его бурно одолевают, «как жернова, тяжелые думы», внутренняя раздвоенность, противоречивость.

Недоверие к власти, обществу, отрешенность от обстоятельств, отчуждение, эгоистическое желание сохранить свою жизнь – мотивы действий Бекира. Он испытывает безотчетный страх не столько перед врагом, сколько перед Мамаем, перед сложной ситуацией нравственного выбора. Это видно даже по такой детали из повести, как орден, который он срывает с груди и бросает в обрыв, отрекаясь тем самым от прошлого.

Сакинат, наблюдая за происходящим, переживает духовный стресс. Неадекватное поведение возлюбленного destabilизирует ее внутреннее состояние: «*Сакинат охватывало странное состояние. Казалось, что до сих*

пор она только лишь слышала о Бекире, а видела впервые, – двоился, расплывался, расходился его образ. Бекир, которого она любила и знала всегда, – и этот, которого она едва видела перед собой, совсем были разные. Мгновениями она слабела, чуть не теряя сознание, а когда в глазах прояснялось, не знала, кому из них поверить, кто же он, ее Бекир? Нет, этот не был похож на того сильного парня, которого Сакинат любила, который обещал ей полный радости, достойный дом» (Теппеев, 1983, с. 220).

Писатель мастерски передает психологический портрет девушки, которая испытывает пустоту, безысходность, разочарование к Бекиру, превратившегося в чужого человека, «маленького, мрачного, еле сдерживающего злость, с перекосившимся черным лицом» (Теппеев, 1983, с. 221). Испытывая внутреннее сопротивление, нежелание верить в происходящее, девушка осознает, что совместная жизнь с Бекиром не принесет семейного счастья, и для нее «было бы лучше получить горькую весть о том, что он достойно погиб» (Теппеев, 1983, с. 221).

Усугубление конфликта между действующими лицами приводит к дегуманизации личности (Бекира), к обострению индивидуалистического начала. На глазах девушки Мамай и Бекир вступают в физическое противостояние. Одержимый мстостью за поруганное достоинство перед Сакинат, Бекир подло убивает Мамай. После совершенного преступления в душе Бекира происходит раскол: автор фокусирует внимание читателя на рефлексии: критическое, негативное самовосприятие персонажа, охваченного яркой ненавистью не только к окружающему миру, но и к самому себе, духовно и физически преображенного в жалкое существо, обреченного на полную трагизма жизнь: «Странно, нехорошо он вдруг почувствовал себя. Будто тайный, парализующий яд растворялся в крови, отнимал последние силы, желание что-либо предпринять, даже возмутиться поведением Сакинат. И чем больше состояние это охватывало его, тем сильнее росла в нем ненависть – к самому себе, Мамаю, Сакинат, арбе этой, волам, к тем, кто писал ему повестку в военкомате и кто затеял войну, к живым и мертвым, ко всем... Здесь же, опершись о ярмо, стоял глубокий старик, уставший от жизни, но приговоренный за свои кровавые дела жить столетья, жить, питаясь падалью» (Теппеев, 1983, с. 233-234).

Как гласит народная мудрость, «чабакъ да жюзген суу терен болса сюеди» – «рыба любит плавать в воде где глубже», накопленный в Бекире негатив тянет его на дно: совершенное им аморальное преступное действие – насилие над Сакинат – трактуется как следствие духовной и психической деградации личности.

Таким образом, в рамках девятидневного пути – «дороги печали» – прослеживаются этапы духовного противостояния между действующими лицами произведения, морального разложения Бекира, прозрения Сакинат, обреченной, как и ее брат, на трагическую гибель.

В повести автор обращается к трагической участи молодой женщины. В драматических обстоятельствах испытывается духовная стойкость героини. «Конструктивной основой организации сюжета, разворачивающегося в конкретном пространстве и времени, служит “мотив испытания”» (Соколова, 2005, с. 22). Писателем осмысливается система таких философских образов-понятий, как жизнь, честь, любовь, судьба, смерть, совесть. В повествовании высвечивается внутренний стержень героини, заключающий в себе моральную и духовную силу, красоту, скромность, верность традициям, просветленность, терпение, гордость, мужественное смирение со своей трагической судьбой.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить о неопределимой роли творчества Алима Теппеева в развитии балкарской повести. Введенные новаторские изыскания писателя находят выражение в решении ключевых художественных задач, связанных с проблемами идейного самоопределения личности, трансформации сознания человека в критических ситуациях нравственного выбора, в моменты духовного кризиса, в особенности моделирования хронотопа, природе конфликта, обновлении системы художественных образов, расширении панорамы изображаемой действительности. Анализ избранной в качестве основного объекта исследования повести «Дорога в девять дней» показывает, что магистральная конфликтная линия произведения строится на межличностных столкновениях и противостояниях, базирующихся на нравственно-духовной, идеологической и психологической несовместимости действующих лиц в экстремальных условиях военного времени. Хронотоп дороги как ключевой сюжетный компонент определяет композиционную структуру произведения. В рамках пространственно-временного континуума писателю удается раскрыть психологию действующих лиц, обреченных на жестокие испытания судьбой.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в изучении проблемно-тематического и жанрово-стилевого аспектов в произведениях А. Теппеева, написанных в жанре повести («Глухая падь», «Пересоленный чурек», «Человек и камень», «Солнце не заходит» и др.)

Источники | References

1. Габаева А. Алим Теппеев // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. З. Х. Толгуров. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010.
2. Гусейнов М. А. Картины эволюции кумыкской прозы 1960-1980-х годов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012.
3. Окорочкова В. Б., Пермякова Т. Н. Человек и мир в повестях Н. Лугинова. 2013. URL: <https://kzref.org/chelovek-i-mir-v-pestyayah-n-luginova.html>

4. Сарбашева А. М. Балкарская проза в 1970-1990-е годы // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. З. Х. Толгуров. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010.
5. Сарбашева А. М. Художественно-философское осмысление детства в рассказах Алима Теппеева о войне и выселении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 7.
6. Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев): автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2005.
7. Теппеев А. М. Балкарская проза. Нальчик: Эльбрус, 1974.
8. Теппеев А. М. Яблоки до весны: рассказы, повесть / пер. с балк. Ю. Стефановича. М.: Современник, 1983.
9. Толгуров З. Х. Балкарская литература 1960-1970-х годов // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. З. Х. Толгуров. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010.
10. Урусбиева Ф. А. Путь к жанру. Нальчик: Эльбрус, 1972.

Информация об авторах | Author information

RU**Сарбашева Алена Мустафаевна¹**, д. филол. н., доц.¹ Институт гуманитарных исследований - филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН), г. Нальчик**EN****Sarbasheva Alena Mustafaevna¹**, Dr¹ The Institute for the Humanities Research - Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS), Nalchik¹ alenasarb@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.05.2022; опубликовано (published): 30.06.2022.

Ключевые слова (keywords): балкарская повесть; Алим Теппеев; новаторство; хронотоп; конфликт; Balkar novella; Alim Teppeev; innovation; chronotope; conflict.